

Даже те, кто не умел петь эту песню, были знакомы с этими двумя строчками и мгновенно подхватили их громко, а после, толкая друг друга, не могли сдерживать смеха.

Ань Жун играла на шаоцинь превосходно, мелодия была веселой, ритмичной и простой, а высокие ноты инструмента звучали ярко, создавая прекрасную атмосферу.

Сюй Сяое пропела с всеми один раз, а на второй круг уже не вела, опасаясь, что может забыть слова.

Однако Ань Жун постоянно следила за ней, и даже если та ошиблась, могла вовремя подхватить, поэтому Сюй Сяое не волновалась. Когда она чувствовала неуверенность, то просто начинала петь сама.

— Сестренка молчит, только смотрит на меня и улыбается / Я знаю, она ждет моего...

Группа с радостью подхватила известные последние три слова:

— Большой паланкин!

Закончив, они почувствовали, что это звучит немного глупо, и, не сдерживаясь, начали смеяться, хлопая в ладоши. Дети — их эмоции приходят и уходят быстро, и после этого смеха они уже забыли о слезах, которые лили ранее, вспоминая дом.

После песни день практически закончился. Ань Жун и Сюй Сяое вышли с шаоцинь, а сзади кто-то тихо напевал «лан-ге-ли-ге-лан». Эта песня была настолько заразной, что после двух прослушиваний начинала крутиться в голове.

Сюй Сяое подняла большой палец вверх, положив его на плечо Ань Жун, и с улыбкой сказала:

— Лайк.

Ань Жун сдержанно улыбнулась.

Сюй Сяое, радостная и немного любопытная, сказала:

— Не ожидала, что ты еще и это умеешь играть.

Ань Жун ответила:

— А я не ожидала, что ты это умеешь петь.

Сюй Сяое подняла подбородок, подмигнула ей и с гордостью заявила:

— Ну, ты видишь, нет такого, чего бы старшая сестра не умела.

Ань Жун не стала разоблачать ее и просто кивнула, проявляя безграничную преданность.

Вернувшись в общежитие, Ань Жун отнесла банку с острыми перчиками Ся Чуньхуа, которая, получив подарок, не стала его есть, а торжественно поставила на стол.

Сюй Сяое также лежала на кровати, погруженная в свои мысли, и непонятно, о чем она думала.

Ань Жун села за стол, собираясь написать что-то вроде текста песни. Только она открыла

тетрадь и взяла ручку, как Сюй Сяое вдруг спросила:

— Ты скучаешь по дому?

Ань Жун немного заколебалась, повернулась к ней и кивнула:

— Скучаю.

Она действительно скучала по дому: по родителям, брату, маленькому огороду во дворе. В прошлой жизни они были настолько заняты, что возвращение домой казалось чем-то давно забытым.

Заговорив об этом, Ань Жун вдруг вспомнила, что в прошлой жизни она никогда не слышала, чтобы Сюй Сяое упоминала свою семью. Казалось, она редко звонила домой. Может, у нее есть какая-то тайна?

Ань Жун немного заколебалась, глядя на Сюй Сяое, которая все еще была погружена в свои мысли, и спросила:

— А ты скучаешь по дому?

Сюй Сяое не двигалась, а через некоторое время закрыла глаза, вздохнула и очень тихо сказала:

— Скучаю, как же не скучать.

Она не знала, будет ли этот момент вырезан или показан, но ей действительно немного не хватало дома. Уже почти три года прошло, как же можно не скучать?

Ань Жун заметила, что Сюй Сяое выглядела немного странно, положила ручку на стол и осторожно попыталась утешить:

— Ты обязательно дебютируешь. Через два месяца, когда мы выйдем, ты сможешь вернуться домой.

Сюй Сяое повернула голову и усмехнулась, словно говоря: «Ты сейчас меня утешаешь?»

Но, повернувшись и увидев серьезное выражение лица Ань Жун, она поняла, что это ребенок, который все воспринимает всерьез, и изменила тон, убрав улыбку. Она также серьезно посмотрела на Ань Жун и сказала:

— Спасибо.

Ань Жун покачала головой:

— Не за что.

Лишь бы ты была счастлива и не переживала, я готова на все.

Ань Жун думала, что материала, собранного за этот день, будет достаточно: один момент с тоской по дому, другой с веселым хором. После монтажа и обработки это могло бы составить около пяти минут, и пока можно было не волноваться. Но вечером, когда она вернулась с танцевального зала, она обнаружила, что в общежитии царит настоящее веселье.

Сюй Сяое возглавляла группу, и несколько человек танцевали в комнате под музыку, импровизируя. Сюй Сяое была просто невероятна, выполняя сложные движения с легкостью и плавностью. Сяо Юй, танцуя, выглядела совершенно иначе, чем обычно. Если в обычной жизни она была изящной и утонченной «цветком на вершине горы», то на танцполе становилась дикой и мощной, танцуя напротив Ся Чуньхуа.

Ся Чуньхуа также была полна контрастов, танцуя как настоящий сорванец, добавляя множество мелких движений.

Ань Жун бросила взгляд, и ее взгляд приковался к Сюй Сяое. Она была как соблазнительный цветок, каждый поворот головы был полон очарования. И что хуже всего, она прекрасно знала, как привлекать внимание зрителей своими движениями и взглядом. Не слишком широкий проход превратился в ее маленькую сцену, а Ань Жун была ее самым преданным зрителем.

Только в такие моменты Ань Жун не боялась, что ее взгляд кто-то заметит.

Ся Чуньхуа повернулась и сразу увидела Ань Жун, стоящую у двери. На ее лице тут же появилась широкая улыбка.

Ань Жун почувствовала неладное и хотела улизнуть, но Ся Чуньхуа схватила ее сзади, обняла за руку и потащила обратно:

— Давай, давай, потанцуй с нами.

Ань Жун, человек с полным отсутствием координации, хотя и имела опыт четырех лет на сцене, но сейчас она еще не начала профессионального обучения. В свои семнадцать лет у нее не было никакого опыта в танцах, и в заявке это должно быть четко указано. Она не должна была уметь танцевать, и, вернувшись в прошлое, ей приходилось быть осторожной, чтобы не допустить ошибок.

— У меня нет координации, — поспешно отказывалась Ань Жун, почти шаг за шагом позволяя Ся Чуньхуа тащить себя вперед.

— У высоких людей обычно нет координации, а ты почти моего роста, так что это не проблема.

Ань Жун была оскорблена, но в такой обстановке было трудно серьезно отказаться, особенно с камерами вокруг.

Она решила пойти ва-банк и сказала:

— Я действительно не умею. Кроме того танца, который мы только что учили, я знаю только зарядку.

Сюй Сяое, игриво взмахнув волосами, тут же подхватила:

— Зарядка тоже подойдет. Просто играем.

Ну, раз она сказала, что подойдет, то Ань Жун согласилась.

И вот, под изумленными взглядами всех, она превратила ритмичную фоновую музыку в танец под «Удача приходит». Если бы у нее в руках были веера, она бы могла стать королевой танцев на площади.

Всего через минуту все, кто участвовал в танцевальном баттле, смеялись, не в силах

продолжать. Сяо Юй отошла в сторону, прикрывая рот рукой, а Сюй Сяое, словно увидев невероятный танец, смеялась, согнувшись и хлопая себя по ногам. Только Ся Чуньхуа еще пыталась подстроиться под ритм, но через несколько тактов уже не могла угнаться за крестообразными шагами Ань Жун, прислонилась к стене и смеялась до слез.

Ань Жун неожиданно стала победительницей, вызвав взрыв смеха, превратившись из идола в веселую девушку, танцующую на площади.

Ся Чуньхуа, вытирая слезы, подошла и, продолжая двигаться, спросила:

— Эй, как ты это делаешь? Как это получается вперед-назад?

Она двигалась совсем неправильно, не попадая в ритм.

Сюй Сяое, только что выпрямившись от смеха, сказала Ся Чуньхуа:

— Она танцует не танец, она танцует радость.

Ань Жун с улыбкой посмотрела на Сюй Сяое, не обращая на нее внимания, и показала Ся Чуньхуа, как правильно ставить ноги и менять шаги.

Ся Чуньхуа, не имея никакого звездного самомнения, училась с энтузиазмом и быстро начала двигаться, поднимая и опуская руки, танцуя рядом с Ань Жун, как две сумасшедшие девушки.

Поиграв немного, Ся Чуньхуа побежала за игрушкой и с радостью показала ее Ань Жун.

Это была серо-белая игрушечная кошка, изящная и красивая, с голубыми глазами, которые выглядели как настоящие, с текстурой и блеском, а шерсть была гладкой и блестящей.

Ся Чуньхуа погладила ее по голове, и она даже слегка пошевелилась, прижавшись головой к ее ладони.

— Это подарок для тебя, — сказала Ся Чуньхуа, поднося кошку к лицу Ань Жун.

— Спасибо, но... у меня аллергия на кошачью шерсть.

Ся Чуньхуа прижалась лицом к игрушке и сказала:

— Она ненастоящая, это высококачественная игрушка, не настоящая кошка, и шерсть не настоящая. Она очень милая и приятная на ощупь, попробуй.

Ань Жун сразу покачала головой:

— Она слишком дорогая, я не могу принять.

Ван Юньшуй, стоящая рядом, закатила глаза и ушла. Настоящая деревенщина, аллергия на кошачью шерсть, да еще и дорогая. Игрушка, что в ней дорогого? Видно, что не видела свет.